

РАЗМЫШЛЕНИЯ И РАЗБОРЫ

(Соч. П. А. Катенина)⁴⁰

СТАТЬЯ I.

I. Об изящных искусствах.

Сколько написано теорий об изящном! Как все они произвольны, сбивчивы и темны! Какую пользу принесли или принести могут? Физика стала наукою дельною с той только поры, когда откинули все умствования, системы и догадки, чтобы заняться единственно наблюдением и испытанием природы: не пора ли взяться за то же в эстетике?

Что разумеют под словом: искусство изящное? В чем полагают его различие с другим искусством? Если в выборе

56

высокого предмета и цели, то немногие из так называемых изящных искусств имеют право на сие название. Рассмотрев поближе, увидим один только предмет высокий: это человек⁴¹.

Два рода искусств изображают человека: один действует на душу посредством глаз, другой посредством уха. Статуя, барельеф, картина, эстамп, рисунок суть только подразделения одного и того же искусства; все они равно поражают зрение, и все равно не существуют для слепого. Так же слова, в прозе или стихах, с

напевом или декламацией, или простым говором, колеблют душу чрез слух и непонятны глухому.

Справедливо ли, наравне с сими искусствами, называют изящными архитектуру и музыку? что есть изящного в каком-нибудь строении? почему восхищаться более фасадом дома, удобством лестницы, разрезом двери либо окна, нежели отделкою кареты, фасоном кресел или щегольством наряда? Что может быть высокого в музыке отдельно от слов? Ряд стройных звуков доставляет удовольствие физическое: приятно греться у огня, качаться на качелях, кружиться в пляске, скакать на лошади, слушать соловья в лесу или Фильда⁴² в концерте; но благороднейшим чувствам человека до всего этого дела нет.

Музыка и поэзия, обе непосредственно действуют на слух; первая услаждает его гораздо более, вторая идет далее: звуки речей для нее только знаки высоких мыслей и чувств. Богатая иллюминация или блестящий фейерверк приятнее для глаз полуразрушенной от времени греческой статуи, закоптелой и потертой итальянской картины; но какая разница в действии их на душу и ум!

В поэзии и живописи (оно здесь заодно с ваянием) можно верно и точно определить степень достоинства; они изображают естество: стало, чем ближе и сильнее, тем лучше. В зодчестве и музыке дело другое; первое — искусство механическое, в нем много значат польза и удобство, меняющиеся по времени и месту: греки любили здания четверугольные, а

римляне круглые; в египетской архитектуре почитается достоинством огромность и тяжесть, в готической легкость и смелость: что лучше и почему? Музыка еще более оставлена на произвол; нежный слух итальянцев предпочитает всему мелодию, немецкое ухо требует шумной и многосложной гармонии: кто прав? Оба по-своему. Французы же и по сие время не ненавидят род крика: они также правы, если без того звуки слабо потрясают их слух. Мне скажут: большинство голосов должно решить; но кто же собирал голоса? и в какое время их собирать? Слава и хвала музыкальных сочинителей скоро рождается и умирает; нравятся всегда новые, стало, пока не состарились.

Искусства рисовальные и поэзия имеют взаимные преимущества и недостатки. Объем последней несравненно обширнее: кистью и резцом многого нельзя выразить, между тем как слова все выражают, но зато выражение их слабо перед сильным впечатлением

57

живописи и еще более скульптуры. Там рассказ, а здесь сама вещь; там целое образуется медленно из частей, здесь же оно внезапно во всей полноте и силе появляется и поражает.

В живописи и ваянии гораздо менее споров, расколов и противоречий о достоинстве художественных произведений, чем в поэзии: отчего? Не оттого ли, что все вообще полагают себя достаточными знатоками и судьями

последней, ибо она по свойству своему теснее связана с умом и рассудком? Многие охотно признаются в недостатке сведений рисовальных и отказываются от резких приговоров над картинами или статуями; но всякий хочет судить о том, что он может прочесть. В живописи и скульптуре спорят только знающие и потому вскоре на чем-нибудь согласятся; в поэзии всех громче решают незнающие; и нет прениям конца. Молодой человек, рисующий цветы в альбомах, боится сказать дурное слово об академическом слепке Лаокоона или о Дрезденской Богородице, которую знает по эстампу Мюллера⁴³; но тот же молодой человек пишет стихи в альбомах и смело судит Гомера и Данте⁴⁴, Эсхила⁴⁵ и Шекспира⁴⁶, Софокла⁴⁷ и Расина, хотя не знает ни слова по-гречески, ни по-итальянски, плохо по-французски и как Фигаро по-английски⁴⁸.

Сверх того, оригинальные произведения ваяния и живописи дороги и редки; они хранятся в великолепных залах, где их видят в год раз, и предубеждение к ним увеличено непомерною ценою, за них заплаченною; но книги дешевы, и всякий может их иметь у себя. Современные художники также не в одинаковом виде представляются публике: живописцы и ваятели составляют особый класс людей, не всяк смеет сказать: *son pittore anch'io*⁴⁹, но стихотворец мне знакомый, мы вместе служили, и тогда моя воля судить надвое: коли мы сошлись, его слава падает и на меня, он гений выше бывших и будущих; коли нет, я ни за что не соглашусь признать в нем дарования и тем поставить его как бы выше себя.

Предоставляю судить об архитектуре каждому народу и лицу по своему удобству, о музыке по своему безотчетному наслаждению; полезное и приятное не для всех одно и то же, но прекрасное неизменно. В живописи и ваянии общее мнение остепенилось; оно должно равномерно утвердиться и в поэзии, коль скоро самолюбие, пристрастие и невежество частных лиц будут удержаны достоинством, знанием и правосудием общества.

II. О поэзии вообще.

С некоторого времени в обычай вошло делить поэзию надвое, на классическую и романтическую: разделение совершенно вздорное, ни на каком ясном различии не основанное. Спорят, не понимая ни себя, ни друг друга; со стороны приметно только, что на языке некоторых, *классик* — педант без дарования, на языке других, *романтик* — шалун без смысла и познаний.

Начальная, первобытная, самородная поэзия у каждого народа имеет необходимо особое свойство и краску. Люди в некоторых отношениях везде и всегда одинаковы, в других несходны между собою; поэзия, изображая их, будет непременно в общих свойствах одна повсюду, в частных и местных разнообразна.

Поэзия искусственная в народе просвещенном и знающем не только себя, но и других, может вмещать в себе все различные свойства разнонародных поэзий, не смешивая их

уродливо. Чем ближе поэт новый, наш, обрабатывая предмет древний

58

или чуждый, подойдет к свойству, быту и краске избранного им места, времени, народа и лица, тем превосходнее будет его произведение; чем менее сумеет он туда перенести себя и читателя, тем опыт его будет хуже и неудачнее.

Предписывать поэту выбор предметов несправедливо и вредно; кто может по чужим внушениям действовать так свободно, горячо и успешно, как по собственным? Было время во Франции, когда не почитали достойными трагедии никого, кроме греков и римлян Корнель⁵⁰ не смел назвать “Сида” иначе, как трагикомедиею, а Расин принужден просить извинения за турок в предисловии “Баязета”. Теперь лист перевернулся, греков и римлян гонят с белого света: и то и другое предрассудок, недостаток истинного вкуса и поэтического чувства. Для знатока прекрасное во всех видах и всегда прекрасно; судить о произведениях высоких искусств по прихотям моды — явный признак слабоумия.

Одно исключение из сего правила извинительно и даже похвально: предпочтение поэзии своей, отечественной, народной; оно подкрепляется мыслию, что хорошее сочинение в этом роде может достигнуть большего совершенства, нежели всякое другое; свое ближе

чужого: поэт с ним познакомится короче, выразит вернее и сильнее.

Другие народы также не все равно нам известны. Религия сблизила нас с евреями, воспитание с греками и римлянами, соседство и беспрестанные сношения с Европою. Азия и Африка существуют для нас почти в одной географии. При первом взгляде кажется, более труда и достоинства в поэтическом изображении последних; но где же проверка? Многие в состоянии заметить погрешности и отступления неискusstного автора, когда он пишет о предметах, вообще знакомых, малейший недостаток виден; о чуждом и темном пишет, что хочет; все хорошо; лишь бы ново. Опять спрошу, что с ним будет, когда состарится?

Кроме разделения поэзии по векам и народам, есть еще другое: по родам и формам; но первое существенно, а второе произвольно. В каждом веке и народе появлялись, сами собою или в подражание, новые формы стихотворений, некоторые остались, другие исчезли, многие еще могут возродиться. Они важны не собственно по себе, а по связи своей с содержанием; с изменением его должен измениться и наружный вид.

(Продолжение в следующ. №.)